

А.Н. Бибик,
*магістр II курсу ДГТУ «ДонНТУ»,
факультет комп'ютерних наук і технологій, кафедра філософії*

САКРАЛІЗАЦІЯ СЛОВА КАК ФЕНОМЕН МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Одной из определяющих особенностей мифологического сознания является процесс сакрализации пространства окружающего мира. Этому процессу подвергаются как природные объекты, так и различные явления природы и ее свойства. Одним из таких явлений, посредством сакрализации введенных в контекст мифологического сознания, является слово. Статья посвящена раскрытию форм и особенностей сакрализации слова в рамках мифологического сознания.

Ключевые слова: мифологическое сознание, сакрализация слова, имя, заговор, табу.

Процесс сакрализации тех или иных объектов окружающего мира (предметов или их свойств, явлений природы) является одним из определяющих механизмов мифологического сознания. В динамике развития те или иные сакрализации могут становиться более или менее актуальными, или выходить на универсальный уровень. Универсальные сакрализации, как правило, глубоко входят в систему мировосприятия в целом, что показывает их значимость для общества и культуры. Сакрализацию слова можно назвать универсальным феноменом мифолого-религиозной рефлексии. Наделение слова особой силой и значимостью имеет место как в архаических, так и в национальных и даже мировых религиях. Недостаточная изученность исторических форм, предпосылок формирования, особенностей и религиозного и мифологического понимания слова является причиной актуальности этой темы. Представленная статья посвящена особенностям и формам сакрализации слова в рамках мифологического сознания.

Объектом статьи является мифологическое сознание. Предмет – формы сакрализации слова в рамках мифологического сознания.

Цель статьи – показать специфику развития форм сакрализации слова в контексте мифологического сознания. В соответствии с поставленной целью можно выделить задачи работы: изучить историографию данной проблемы; определить понятие «мифологическое сознание» и проанализировать его механизмы и законы; показать предпосылки возникновения феномена сакрализации слова; выделить основные формы сакрализации слова в рамках мифологического сознания.

Методология исследования определяется его целями и задачами. Для определения сущности сакрализации слова и выделения данной сакрализации из пространства сакрального в целом были использованы методы анализа и синтеза. Рассмотрение форм и типов сакрализации слова производилось с помощью феноменологического метода. Изучению эволюции данной сакрализации, ее исторических форм и их взаимосвязи между собой служили исторический и системно-структурный метод.

Статья опирается как на теоретические разработки общих механизмов и законов мифологического сознания, так и на исследования конкретных его форм и проявлений. Несмотря на то, что данная тема разработана на высоком уровне, непосредственно проблема сакрализации слова не является достаточно изученной. Практическим базисом представленной работы служит исследовательская литература. Для выделения форм и типов изучаемой сакрализации была также проведена работа с первоисточниками.

Проблематику мифологического сознания разрабатывают такие исследователи, как Е. М. Мелетинский, М. М. Маковский, К. Леви-Стросс, Л. Леви-Брюль, Э. Дюркгейм. В своих работах исследователи выделяют общие закономерности и особенности мифоло-

гического сознания. Тема заговоров поднимается в работах Н.Ф. Позанского, В.Г. Богораз-Тана, А.Н. Афанасьева, каждый из которых, опираясь на фактических материал, дает свое определение явлению заговора. Табу как феномен первобытного сознания изучали такие авторы, как О.М. Фрейденберг, С.А. Токарев и Э.Б. Тайлор.

Особое значение для нашей темы представляют работы, акцентирующие свое внимание именно на проблематике сакрализации слова и имени в контексте первобытной культуры и мифологического сознания. Так, Г.И. Панина в своей монографии «Слово и ритуал в народной медицине удмуртов» в контексте комплексного исследования удмуртской заговорно-заклинательной традиции акцентирует внимание на роли слова в форме и ритуале заговора. Д. К. Зеленина в своем труде «Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии» целенаправленно исследует феномен словесной табуирования. Также важна работа Н. Б. Бабич («Магия слова для всего живого»), посвященная исследованию словесной магии в контексте украинской культуры, В. Перунина («Магия Полесского слова или реальность древней нетрадиционной медицины»), К.И. Платонова («Слово как физиологический и лечебный фактор»), А.П. Шевердина («Магия слова»). Перечисленные работы предшествуют данному исследованию и являются его практическим фундаментом.

Анализируя исторические формы модификаций представлений о слове как о сакральной сущности, можно сказать, что эти представления существовали на всех этапах истории культуры. Началом зарождения понимания слова как сущности, наделенной особой силой и значимостью, можно считать архаическую религиозность. На данном этапе, сакрализация слова обуславливается непосредственными особенностями архаического мышления, и существует в рамках магии и тотемизма. В период становления и развития национальных религий слово понимается как божество или проявление божества (римская религия, иудаизм), космогонический принцип (ведическая система) и концептуализация священного (синто). В мировых религиях сакрализация слова проявляется в восприятии слова как материала творения, выражения божественного присутствия в мире или самого бога. В период модерна и постмодерна слово не потеряло своей значимости для культуры. Переориентация на научное познание и утверждение принципа относительности как онтологической характеристики повлияло на восприятие и трактовку сущности и функций слова. Однако, исходя из тенденций развития современной науки и психологии, можно сказать, что понимание слова как организатора реальности сохраняется и в современном мире. Представленная работа посвящена рассмотрению форм и особенностей сакрализации слова в рамках мифологического сознания.

В современном религиоведении существует несколько подходов к определению мифологического сознания. Так, в работах Е. М. Мелетинского мифологическое сознание определяется как «форма общественного сознания; способ понимания природной и социальной действительности, характерный для ранних этапов развития общества» [9, 582]. Н.Б. Мечковская под мифологическим сознанием понимает «первобытное коллективное (общезначеское) наглядно-образное представление о мире с обязательным божественным (сверхъестественным) компонентом» [6]. Э. Дюркгейм и Л. Леви-Брюль рассматривали мифологию как систему моделирования родового строя. Развивая данную теорию, Л. Леви-Брюль говорил о первобытном «дологическом» мышлении, которое имеет свои законы и механизмы (несоблюдение закона исключенного третьего, закон партиципации, качественных характер представлений о времени и др.) [9, 584]. То есть, так или иначе, под мифологическим сознанием понимается такой тип мировоззрения, который был характерен для ранних стадий развития общества и имел свои специфические особенности.

Одной из таких особенностей является синкретичность мифологического мышления, которая подразумевает отождествление вещи и её качеств как общего и частного, части и целого. Соответственно, окружающий мир материальных и идеальных явлений воспринимался как одинаково реальный, что и приводило к тождеству вещи и слова, слова и действия. Следующая особенность мифологического мышления, на которую обращают внимания исследователи — язык первобытных людей, который состоял исключительно из метафор [5, 16]. Так в ходе практической деятельности люди имели дело не с непосредственно окружающим их миром, а с репрезентациями этого мира. То есть мифологическое мышление

оперирует к конкретно-образному восприятию вещи, что означает, прежде всего, господство мифологических образов над логическими понятиями [8]. Поэтому именно на данном этапе человеческой истории зарождаются представления об особой силе слова, воздействия через которое и с помощью которого понимается как воздействие на соответствующий предмет.

Одно из основных следствий, порожденных названными особенностями мифологического сознания — представления о слове как об осязаемой, предметной сущности. Подобные представления можно проиллюстрировать следующим эпизодом фольклора чукотского народа: «Женщина подарила юноше песню. «Как же я ее возьму?» — засомневался он. «Увидят: отнимут»; «Решили извести некоего Рынтэу порчей. А он не поддается: «... соберет в рукавицу все слова тех людей, которые пытались его испортить, в рукавице завяжет и утром раздаст их обратно. «Вот, — говорит, — твое слово, вот твое, вот твое» [2, 147].

Произнесенное слово можно было «схватить, украсть, спрятать во что-нибудь. Словом, как копьем, можно убить человека» [3, 63]. Исходя из этого, становится понятен смысл запрета на произношение определенных слов из опасения, что они могут оказать непосредственное воздействие на предмет, к которому обращены. Многочисленные свидетельства табуирования слов и некоторых словесных формул сохранил фольклор. Приведем следующие примеры из южнославянского фольклора: «Молодец сказал: «Ах, да хоть бы меня черт женил!». Явился черт Гришка. Достал ему жену из омута»; «Прокляли девицу — она и пропала»; «Беременная женщина в гневе посулила черту еще не родившегося ребенка, черт и пришел за ним»; «Мать прокляла младшего сына, поэтому его после смерти не приняла земля»; «Никто не хотел за парня замуж идти. Она и сказал: «Кажись, если б сам черт дал мне невесту, я и тое взял!». Очнулся под водой, там и невеста ему нашлась» [3, 64]. Некоторые исследователи (Д.К. Зеленин, Н.Б. Мечковская), считают, что источником табуирования слова изначально могли быть простые опасения первобытных охотников о том, что звери могут подслушать их разговор, и, таким образом, избегнуть ловушек [1]. О.М. Фрейденберг отмечает, что произнесенное слово могло считаться тотемом [13]. Итак, рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что одной из причин табуирования слова в рамках мифологического сознания представление о его вещественности, осязаемости, реальности.

Другой причиной табуирования слова была сакрализация элементов его структуры — букв, буквосочетаний или слогов. В контексте данных верования считалось, что изменение положенной структуры слова может повлечь за собой определенные последствия. М.М. Маковский, занимаясь сравнительным изучением индоевропейских языков, обнаруживает существования тотемических и табуирующих элементов в пределах структуры слова. Под «языковым тотемизмом» он понимает определенные сочетания букв, которые группируются вокруг одной или нескольких букв, считающихся тотемами: «Тотемизм в слове явился основной движущей силой словообразования и изменения значения: данный тотем (буква, сочетание букв, слог) в пределах слова может требовать наличия или отсутствия ряда определенных букв или слогов в слове (ср.: инд.-евр. *el- «гнуть», но также *kel-, *mel-, *pel-, *sel- «гнуть», с другой стороны, ср.: инд.-евр. *el- «гнуть», но инд.-евр. *pel- «лить», «прятать», «жечь», «продавать», «приносить в жертву»)» [5, 24].

Говоря о «невидимой» структуре слова, обусловленной магическим мышлением, М.М. Маковский обнаруживает определенные сочетания букв, в различных случаях оперирующих одним к значениям: «...наряду с начальным отрицанием pe-, se-, ve- в индоевропейском используются и табуирующие звуковые элементы внутри слова: ср. инд.-евр. l-ub «любовь», но др.-исл. ubbi «ненависть», то есть образование без табуирующего элемента» [5, 74].

Изучение феномена табу в рамках религиоведения тесно пересекается с изучением словообразования в рамках истории лингвистики и сравнительного языкознания. Морфологическая наука элементарными значимыми единицами языка и механизмами словообразования называет фомемы и морфемы. Фомемы — минимальные единицы языкового строя языка, не имеющие самостоятельного значения; морфемы выполняют содержательную функцию словообразования [6]. Сопоставляя данные сравнительного языковедения, религиоведения и филологии, можно обнаружить, что утверждения о существовании основополагающих структурных элементов слова, которые определяют его функциональное

и смысловое значение выдвигаются как в рамках филологических наук, так и в контексте мифологического сознания.

В исследованиях, посвященных изучению индоевропейских языков, отмечается, что лексемы со значением «говорить» часто восходят к понятию «резать»: др. англ. *secgan* «говорить», но русск. «сечь» др.-прусск. *gerbt* «говорить», но др.-англ. *seorfan* «резать»; нем. *kerben* «делать надрезы, зарубки»; инд.-евр. «резать», но литов. *biloti* «говорить»; литов. *taryti* «говорить», др.-прусск. *tarin* «голос», но инд.-евр. *ter-* «тереть, резать»; нем. диал. *Lehe* «серб», русск. диал. *ложить* «кастрировать», но греч. *Хеуеiv* «говорить». Также исследователи отмечают, что понятие «вещь» в древних индоевропейских языках было тождественно понятию «слово»: др.англ. *seatta* «вещь», но англ. *chat* «болтовня»; тох. *A wram* «вещь» < инд.-евр. *цег.* «говорить»; хет. *тетиа(п)* «слово, речь», но также «вещь»; арм. *ban* «слово», но также «вещь»; польск. *rzecz* «вещь, предмет», но также «речь»; нем. *dingen* «выступать, говорить», но *Ding* «вещь». Так на уровне морфологии можно проиллюстрировать и доказать тезис о том, что в мифологическом сознании слово обладало предметной сущностью [5].

Одной из основных форм сакрализации слова в рамках мифологического сознания являются представления об имени как о сакральной сущности. В рамках первобытной культуры подобные представления проявляются в виде табуирования имени человека. Причины подобного явления некоторые исследователи, в частности, П. А. Флоренский видят в мистическом страхе и стыдливости [12, 77]. «Человек не должен произносить своего собственного имени, муж и жена не должны произносить имен друг друга; зять и невестка не должны называть по имени своих тестя и тещу или свекра и свекровь, и наоборот; нельзя произносить имен начальников и имен некоторых других лиц, равно как и имен животных и предметов, коим приписывались сверхъестественные силы. Эти элементы табуирования встречаются не все вместе, одно какое-либо племя может придерживаться только некоторых» [12, 36]. Так, например, абинонцы, (род в составе этнической группы сагайцев хакасского народа), считают грехом для мужчины произносить свое имя, и когда у кого-нибудь спрашивают об его имени, то он просит соседа ответить за него. Похожие традиции отмечаются на островах Фиджи и Суматры. Австралийцы и африканцы часто обращаются друг к другу в третьем лице [12]. Индусская женщина имя мужа должна заменять местоимениями. В Австралии не допускается произносить имена тестя, тещи и родственных лиц. Сходные традиции отмечаются у кафров, бени-амер, бареа. Табуированными также часто считались имена умерших (огнеземельцы, абиносцы). В индейском племени альгонквин имя ребенку дает старая женщина в связи с каким-нибудь сном, после чего оно держится в тайне. Индейцы, также как и абинонцы, избегают произносить собственные имена.

Другая форма сакрализации слова в контексте мифологического сознания проявляется в виде вербальной магии [11, 104]. Основу данного вида магии составляют заклинания и заговоры, которые могли существовать как сами по себе, так и быть составляющими определенных обрядов и культовых практик. Заговоры определяются как «особые тексты формульного характера, которым приписывается магическая сила, способная вызывать желаемое состояние» [7, 450]. А.Н. Веселовский считает, что заговоры – это «усилие повторить на земле, в пределах практической деятельности человека, тот процесс, который по понятиям язычника, совершается на небе неземными силами» [7, 450]. Поэтому основной предпосылкой возникновения заговора и возможность веры в его действенность является то, что Л. Леви-Брюль назвал «принципом партиципации» (сопричастности) согласно которому сверхъестественные силы, природа и человек связаны между собой, будучи элементами единого комического порядка. Этот принцип также исходит из синкретичности первобытного мышления и позволяет отождествлять плоть и землю, кровь и воду, волосы и растения, слово и действие. Поэтому первоначально принцип заговора основывался на действии симпатического порядка: магические свойства приписывались предмету или акту, ассоциативно связанному с объектом заговора [4]. Предполагалось, что свойства предмета, с которым ассоциируется заговариваемый объект, перейдут тем самым к последнему. В пример можно привести следующие заговоры, популярные у древних славян: «Ячмень так лечат. Бросают в печь зерна ячменя и говорят: «Як сей ячмень сгорае, так нароженому, молитвенному,

хрещеному N ячmineць из глаз исхожае»; «Чтобы посеять раздор между мужем и женой нужно взять двойной сучек, разломить его надвое, одну часть сжечь, а другую закопать в землю и проговорить: «Как этим двум часточкам не сrostись и не сойтись, так же рабу божий (им. р.) и рабе божия (им. р.) не сходится и не встречается навечно»» [10, 123].

Рассматривая структуру заговора можно констатировать наличие в нем двух сакрализованных составляющих: слова и действия. Кроме этого, ряд исследователей отмечают особую роль ритма в структуре заговоров и молитв: «Но нельзя было в ней изменить ни одного слова, ни особенно ритма, потому что тогда молитва потеряла бы свою силу, и боги остались бы свободными» [10, 118]. То есть, для того, что заговор сбылся, одной только священной формулы было недостаточно: сакральные слова необходимо сопровождалось столь же сакральным обрядом (действием), которое выполнялось строго по определенным правилам. На этой основе одним из основных вопросов в изучении заговоров и их структуры является проблема соотношения слова и действия в структуре заговорных формул и обрядов.

Н.Ф. Позанский, в своем исследовании видов заговоров и их эволюции отмечал: «Следует различать две формы соединения слова и действия. Одна, так сказать, неорганическая. В этой случае ни из текста заговора не видно, почему он сопровождается определенным действием, ни из действия не видно, почему при нем именно эти слова, а не другие. Вторая форма связи – органическая. Здесь действие и слово представляют собой как бы два параллельных ряда, два способа выражения одной и той же мысли» [10, 121]. В свою очередь, А.А. Потребня считает, что роль действия в заговорах всегда сводилась к пояснению словесной формулы.

Исследуя историю развития культовых действий и вербальной магии, можно заключить, что названные виды соотношения слова и действия в заговорах являются этапами развития последнего. Так, первоначально заговоры производились путем наложения чар с помощью симпатического или изобразительного действия. На следующем этапе развития, как заговорных формул, так и религиозности в целом, действие стало нуждаться в пояснении – то есть в сопровождающей его словарной формуле. На третьем этапе мы можем наблюдать параллелизм словесных формул и обрядовых действий. С постепенным развитием религиозного сознания слову отводится все большая роль, и в глазах религиозного человека слово приобретает самостоятельную сакральность и силу, равную силе обряда: «...Прирост слова происходит за счет отмирания действия. Прежде всего, появилась потребность пояснить обряд. Так как стал забываться его первоначальный смысл. Это первая стадия развития эпического мотива, зарождение его из обряда. Она, очевидно, происходит за счет начинающегося разложения обряда. <...> Репутация обладания магической силой обряда незаметно распространялась и на его спутника. Слово как бы обкрадывало обряд, пока не оторвалось от него, почувствовав в себе, наконец, самостоятельную силу» [10, 153]. Примером подобной эволюции могут быть сохранившиеся похоронные причитания, которые первоначально существовали в рамках поминальных обрядов, но с постепенной эволюцией религиозных верований, сохранились только на уровне «плачей» и эпических текстов.

Необходимо подчеркнуть роль заговорных формул и их структуры в становлении ритуала национальных и мировых религий. Так, в молитвословиях большинства религий существует определенные «формулы» (чаще всего в начале и конце молитвы) которые являются необходимым компонентом данных молитвословий и определяют их сакральность: «Мы видели, что с просьбой обращаются не только к Богу, но также и к месяцу, ветру, воде, дереву. Существенной чертой здесь является не представление о всемогуществе божества, а вообще вера в то, что существо, к которому обращается просьба, может исполнить ее в обязательно исполнит, если формула будет произнесена» [10, 117]. Наибольшей устойчивостью в композиционном отношении отличаются так называемые эпические заговоры. Многие заговоры начинаются со следующего молитвенного введения: «Во имя отца, и сына, и святого духа». Сингальские заклинания против злых духов (яку) начинаются словами: «Великому Будде и его учению и его монахам поклонение». Далее идет зачин, один из образцов которого приведен выше. В северных русских заговорах этот зачин осложняется или заменяется другой, более поэтически развитой, но менее обрядово-

реалистической формулой: «Стану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь, пойду по матери по сырой земле, небом покроюсь, зорею подпояшусь».

Итак, в результате проведенного анализа можно сказать, что сакрализация слова является важным элементом в структуре мифологического сознания. Данная сакрализация обуславливается такими характеристиками мифологического сознания, как синкретизм, конкретно-образное восприятие мира, господство мифологических образов над логическими понятиями. Отождествление слова и предмета, слова и действия приводит к понятию слова как осязаемой сущности.

Рассмотренные особенности мифологического сознания приводят к развитию таких феноменов как вербальная магия (заклинания и заговоры) и табуирование отдельных слов, словесных формул, человеческих имен. Данные формы сакрализации слова существуют не только в рамках мифологического сознания, но и, развиваясь, становятся составной частью национальных и мировых религий.

Поэтому можно сказать, что феномен сакрализации слова эволюционирует вместе с развитием культуры и религиозности в целом, постепенно обогащаясь новыми смыслами и становясь одним из основополагающих составляющих сакрального пространства. Дальнейшее исследование данной темы может послужить лучшему пониманию и слова как элемента культуры.

Литература:

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1995. – Т. 1. – 412 с.
2. Богораз В. Г. Чукчи и религия / под ред. Ю. П. Францова. – СПб.: Издательство Главсевморпути, 1939. – 206 с.
3. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. – СПб.: Наука, 1991. – 206 с.
4. Зелинский Ф. О заговорах: История развития заговора и главные его формальные черты. – Харьков, 1897. – 58 с.
5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
6. Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. – М.: ФАИР, 1998. – 352 с. – URL: <http://psylib.org.ua/books/mechk01/index.htm>
7. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. – Т II. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 712 с.
8. Найдых В. М. Философия мифологии от античности до эпохи романтизма. – М.: Гардарики, 2002. – 554 с.
9. Новая философская энциклопедия. В 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 2010 – 636 с.
10. Познанский Н. Заговоры: опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Петроград, 1917. – 273 с.
11. Тейлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
12. Флоренский П.А. Изменение имени как внешний знак перемен в религиозном сознании. – М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2006. – 360 с.
13. Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.

Бібік О.М. Сакралізація слова як феномен міфологічної свідомості

Однією з визначальних особливостей міфологічної свідомості є процес сакралізації простору навколишнього світу. Цьому процесу піддаються як природні об'єкти, так і різні явища природи і її властивості. Одним з таких явищ, сакралізацією введених в контекст міфологічної свідомості, є слово. Стаття присвячена розкриттю форм і особливостей сакралізації слова в рамках міфологічної свідомості.

Ключові слова: міфологічна свідомість, сакралізація слова, ім'я, замовляння, табу.

Bibik A. Sacralization of the word as a phenomenon of mythological consciousness

One of the features of mythological consciousness is the process of sacralization of the environment of the world. Natural objects and various natural phenomena and properties of nature are exposed to this process. The word is one of those phenomena, which is introduced through sacralization in the context of mythological consciousness. The article is devoted to disclosure of the forms and features of the sacralisation of the word within the mythological consciousness.

Key words: mythological consciousness, sacralization of the word, name, spell, taboo.